

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Рассматривается одна из моделей развития оценочного значения – функциональная. С опорой на данные современных толковых словарей, а также художественные и публицистические тексты Национального корпуса русского языка автор описывает особенности представления этой модели на примере «работы» трех оппозиций: «глубокий – поверхностный», «острый – тупой», «полный – пустой», в которых функциональность имеет разное ценностное наполнение и по-разному направляет развитие оценочной семантики.

Ключевые слова: оппозиция; семантический; метафорическое значение; глубокий; поверхностный; острый; тупой; полный; пустой.

Одним из способов изучения развития семантики слов в современной лингвистике является использование разнообразных моделей, упрощающих понимание сложных семантических процессов (см., напр.: [1]). Модели помогают описать самые разные явления семантики от представления знаний в сознании человека до отражения их в структуре многозначного слова. В своем исследовании я применяю модель в качестве лингвистического инструмента, позволяющего схематично представить процесс семантических изменений и помогающего понять особенности развития оценочной семантики.

Материалом для исследования послужили метафорические оппозиции, основанные на перцептивных признаках и служащие в языковом коллективе для оценки умопостигаемых явлений (например: «острый – тупой», «ясный – тусклый»). Такие оппозиции содержат информацию о значимости тех или иных признаков для человека, поэтому являются мировоззренческой системой координат, направляющих оценочную деятельность человека.

Ведущим методом исследования, подчиняющим себе все остальные, является анализ сочетаемости языковых репрезентантов оппозиции. Он позволяет «увидеть» значимые свойства оппозиции и понять закономерности появления оценочных значений. Мы используем когнитивный подход к сочетаемости, представленный в работах А. Вежбицкой, Е.В. Рахилиной, Л.О. Чернейко и базирующийся на том, что сочетаемость имен не случайна и не свободна – она отражает некоторые их существенные, глубинные характеристики, связанные с образами конкретных предметов в естественном языке; сочетаемостные характеристики не существуют сами по себе: они «мотивированы содержательными, т.е. семантическими, свойствами» [2. С. 12].

Лексемы, именующие компоненты рассматриваемых оппозиций, при метафоризации становятся «вещными» сущностями – словами, обозначающими единицы вещного мира и их свойства – в их несобственно вторичных знаковых функциях» [3. С. 213]. Они являются символами, знаками, в которых воплощены ценностные смыслы, накопленные в процессе освоения мира человеком. Изучение закономерностей вторичного знакового переосмысления таких явлений на конкретном языковом материале поможет понять действие универсального механизма, ставшего «ко-

гнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей» [4. С. 109].

Анализ языковых единиц исследуемых оппозиций, представленных в толковых словарях [5] и в Национальном корпусе русского языка [6], показал, что в основе их оценочного семантического развития лежат разные модели. Для одних оппозиций процесс появления оценочных значений связан с выделением доминантных компонентов первичной семантики и переносом их с трансформацией в другие эмпирически не постигаемые сферы: эмоциональную, гносеологическую, религиозную, этическую и др. («свет – тьма», «чистый – грязный»). Такую модель семантического развития и сами оппозиции предлагаем назвать полисферическими. Для других появление оценки продиктовано экспериенциальной природой признака, отражающей нефизическую комфортность / некомфортность субъекта в различных умственно постигаемых сферах («легкий – тяжелый», «горячий – холодный»). Для такой модели семантического развития и самих оппозиций используем термин «экспериенциальные». Для третьих важным при оценке является функциональная пригодность / непригодность признака, лежащего в основе оппозиции («глубокий – поверхностный», «полный – пустой»). Такую модель семантического развития и сами оппозиции можно назвать функциональными. Каждая из представленных семантических моделей имеет свои нюансы.

Рассмотрим подробнее функциональную модель, объединяющую такие оппозиции, как «широкий – узкий», «глубокий – поверхностный», «глубокий – мелкий», «острый – тупой», «полный – пустой» и др., которые в своей семантике отражают функциональные особенности признаков и отношение коллектива к их «работе». Описываемая модель по-разному демонстрирует функциональную направленность признаков, формирующих оппозиции. Покажем функциональный механизм на примере трех оппозиций, имеющих разную перцептивную природу: «глубокий – поверхностный», «острый – тупой» и «полный – пустой».

Для оппозиции «глубокий – поверхностный», которую относят к пространственным (см. напр.: [7]), главной для развития оценочной семантики является функциональная пригодность формы объекта-контейнера: «чем глубже объект, тем он больше, полнее и, следовательно, лучше», «чем глубже человек в него проникает, тем полнее, т.е. в большей мере (и, значит,

опять-таки лучше) он его охватывает, использует» [2. С. 130]: *Это была любовь к артисту, в жизни которого случилось несколько настоящих больших ролей. Глубоких. Мощных. «Домовой», 2002; Просто необходимо спокойно и внимательно прочесть такую пьесу, попытаться войти в её мир, почувствовать её глубину. «Известия», 2003; Разумеется, обвинения в поверхностности не могли прийти по вкусу ведомству, претендующему на звание интеллектуального штаба реформ. «Независимая газета», 2003; Описание природы у Тургенева она пропускала, находя их поверхностными. А. Солженицын.*

Анализ оценочных значений языковых единиц оппозиции 'глубокий – поверхностный' показывает, что основная сфера, в которой происходит метафоризация оппозиции, – гносеологическая. Эту не поддающуюся непосредственному восприятию сферу человек интерпретирует и описывает через знаки более знакомой и понятной предметной области: «нефизическое концептуализируется в терминах физического» [8. С. 96].

Оценочная семантика у языковых единиц компонентов 'глубокий' и 'поверхностный' развивается симметрично, что позволяет говорить о равной ценностной значимости признаков для языкового коллектива. Главным элементом прототипической ситуации, участвующим в процессе метафоризации признаков 'глубокий' и 'поверхностный', является контейнер определенного размера, который помогает осмыслить объекты гносеологической сферы, изначально не принадлежащие к топологическому классу «контейнер», но воспринимаемые человеком как емкости, имеющие определенный размер. К таким емкостям в русском языке относятся:

1) «результаты мыслительной деятельности» – мысль, суждение, идея, замысел, знание, содержание, смысл и др. (*Есть не только откровение Бога в человеке, но откровение человека в Боге, Христианство имеет и более глубокий, сокровенный смысл. Н. Бердяев; И в этой радости, освещенной глубокой мыслью и благородным чувством, была тайна его обаяния. К. Чуковский; Только на кафедре философии мой поверхностное и весьма приблизительное знание соответствующей терминологии вкупе с физтеховским нахальством не сработали. (За науку. 2014));*

2) «продукты умственной и др. гносеологической деятельности» – произведение, текст, статья, экскурс, работа, диссертация и др. (*И с трудом достал книгу «Мужчина и женщина», том второй. Очень глубокая книга. И. Грекова; Он выступил в болезнь незрелым иконописцем, он вышел из болезни созревшим, его иконы стали иные, зрелые, глубокие. Митрополит Антоний (Блум). Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиной! С. Бочаров; Диссертацию его не допустили к защите, посчитав вздорной, путаной, поверхностной, в целом – антинаучной (Русская жизнь. 2012));*

3) «процессы мыслительной деятельности, переработки информации» – проработка проблемы, анализ, понимание, порыв, понимание, подход и др. (*Живая наблюдательность искрилась в них; нежная любовь к русскому человеку и глубокое понимание его милых и оригинальных свойств проникали их. (А. Кони); Про-*

цесс воцерковления в сегодняшней России оказывается в значительной мере поверхностным (Эксперт. 2013));

4) «субъекты познавательной деятельности» – натура, личность, психотерапевт и др. (*Прислушиваясь к беседам Короленко с Тарле, я впервые увидел, каким глубоким знатоком старины был Владимир Галактионович (К. Чуковский); Нужно сказать, что странного и загадочного во всех действиях Арчибада Арчибадовича вовсе не было и странными такие действия мог бы считать лишь наблюдатель поверхностный (М. Булгаков));*

5) «инструменты для переработки информации» – ум (*У него был оригинальный, странный, видимо, глубокий ум, но он был мелок в житейских делах, – всегда тревожился, что ему дали меньше, хуже, чем другим, что ему сократили прогулку, что во время прогулки кто-то ел его сухари (В. Гроссман); Ум поверхностный и непрележный или ум, удаленный от науки, объяснит вам, что привыкание к очкам в том проявляется, что вынужденный к ношению их уже не берется за чтение или письмо, не вооружась вспомогательными сими стеклами (Ю. Даниэль)).*

Результаты и продукты гносеологической деятельности мыслятся как некие емкости, и чем глубже они, тем больше всего: знаний, информации и под. – вмещают в себя, и это оценивается языковым сообществом положительно; если же они неглубокие, близкие к поверхности, они мало могут вместить, и это плохо. Процесс познавательной деятельности предстает как погружение в глубокую емкость для получения гносеологической информации – и чем глубже это погружение, тем лучше. Субъект познавательной деятельности является создателем результатов и продуктов гносеологической деятельности. Можно выделить два вида таких субъектов:

1) люди, способные / не способные глубоко понимать, познавать, перерабатывать поступающую информацию, проникать в суть вещей (глубокая / поверхностная натура, глубокая / поверхностная личность, глубокий / поверхностный человек и под. – *В момент любого кризиса нужно стремиться к тому, чтобы ощутить индивидуальность своего пути, которого не знает никто – ни один психотерапевт, какой бы он ни был глубокий и знающий, ни один друг (Домовой. 2002); Поверхностный любитель «восточной мудрости» может еще порассуждать о «карме»... (Русская жизнь. 2012));*

2) люди, создающие глубокие / неглубокие творения, произведения (глубокий / поверхностный художник, глубокий / поверхностный артист, глубокий / поверхностный исследователь и под. – *Стихи его, посвященные истории, совсем иные, они написаны ещё при свете исторического дня. Но Тютчев глубоже, чем думают. Он – вещь явление (Н. Бердяев); Лейбль не поверхностный художник, изображающий жанровые сценки, – его скромные герои всегда наделяны яркими личностными характеристиками (Культура и искусство)).*

Итак, компоненты оппозиции 'глубокий – поверхностный', в основе метафорической картины которой лежит функциональность емкостной формы объекта, описывают гносеологическую сферу. Сочетаясь с

лексемами, обозначающими «результаты», «продукты», «процессы», «субъектов» и «инструменты» познавательной деятельности, языковые единицы оппозиции помогают «оформить» умственно ощущаемую, зрительно не воспринимаемую сферу и передают устоявшиеся и уже не осознаваемые представления о явлениях гносеологической сферы как о неких емкостях, которые чем глубже, тем больше вмещают познавательной информации и тем более ценными являются.

Для оппозиции «острый – тупой» главными при развитии оценочной семантики становятся функциональная успешность предмета-инструмента и реакция субъекта, который воспринимает действия этого инструмента: *острый взгляд, слух, острое зрение* – «такое, которое наилучшим образом выполняет свои функции»; *притупленный взгляд, обоняние* – «такое, которое стало хуже выполнять свои основные функции». Слух, взгляд, зрение, обоняние и другие чувства и способности выступают в качестве инструментов, которые в остром состоянии качественно выполняют свои функции и положительно оцениваются языковым сообществом (*острый слух* – «хороший слух»), а в притупившемся состоянии, как правило, – отрицательно (*притупившийся взгляд* – «не способный все увидеть»).

Следует отметить, что контексты метафорического употребления языковых представителей компонентов оппозиции несимметричны: *острая память*, но не *тупая*, а *притупившаяся память* или *память притупилась*. Отсутствие контекстов типа **тупые слух, память* и т.д. можно связать с тем, что признак «тупой» характеризует неспособность инструмента выполнять свои основные функции (*нож не режет – он тупой*), а слух, зрение и другие органы восприятия, не будучи в остром состоянии, продолжают выполнять свои функции, но не в полной мере, что находит отражение в сочетаемости, смягчающей оценку: *притупившиеся чувства*.

Главные сферы, которые описывает данная оппозиция как оценочный маркер в русском языке, – гносеологическая, отражающая интеллектуальные и познавательные способности человека, и эмоциональная, связанная с проявлением чувств. Однако характер метафоризации в этих сферах различается.

При осмыслении гносеологической сферы компоненты «острый» и «тупой» оценивают объекты интеллектуальной деятельности (*острые / тупые слово, высказывание, текст, шутка, статья, передача*), средство создания этой деятельности (*острый язык*) или самого субъекта (*тупой человек*). Они с разных сторон высвечивают участников перцептивной ситуации. В зоне «острый» субъект предстает как наделенный способностью создавать объекты интеллектуальной деятельности и умело пользоваться ими, как острым оружием, что хорошо его характеризует (*Павлу Алексеевичу всегда нравилась острота и бесстрашие мысли его друга...* (Л. Улицкая)). У адресата же этой деятельности данные объекты могут вызывать неприятную, болезненную реакцию, ранить его (*Интеллигенция тут же сочинила злую остроу насчёт очередной «утечки» мозгов* (Г. Горин)). В зоне «тупой»

субъект интеллектуальной деятельности оценивается как не обладающий достаточными умственными способностями (*тупой ученик, тупица, тупоголовый, тупоумный*) для создания осмысленного, интересного, содержательного продукта, результата этой деятельности (*Включила телевизор. Передавали какую-то тупую игру. Тупой текст наполнял комнату* (В. Токарева)), это может выражаться и внешне (*тупые взгляд, выражение лица, улыбка*), и во внутренних качествах (*тупое самодовольство, высокомерие, упрямство*). При описании гносеологической сферы проявляется именно аксиологическая природа оппозиции – ее компоненты становятся символами: «острый» – символом хороших умственных способностей – умения чувствовать ситуацию и отражать ее в своем интеллектуальном произведении (слове, тексте и т.п.), хотя и вызывая в адресате не всегда приятные чувства; «тупой» – символом недостаточной развитости умственных способностей или неумения их продемонстрировать в данной ситуации.

При интерпретации эмоциональной сферы компоненты оппозиции выступают как самостоятельные единицы, реализуя каждый свои собственные перцептивные признаки, не в составе оценочной оппозиции, и в своей семантике отражают особенности восприятия человеком внутреннего состояния (*острое любопытство, болезнь обострилась, тупая обида*) или внешнего события (*острый матч*), нашедшего отклик в его эмоциональном мире. При описании процессов, происходящих внутри человека, часто передается субъективное усиление этого процесса или состояния (*острая ненависть*), при этом оценочность уходит на второй план, уступая место интенсивности. Однако в контекстах с лексемой *тупой* типа *тупое отчаяние*, в которых интенсивность не выражается, в определенной степени проявляется оценка (ср.: *почувствовать приятную / тупую усталость*).

Характеризуя в целом оценочную работу компонентов оппозиции «острый – тупой», важно заметить, что участвуют они в этой работе по-разному, высвечивая разное восприятие острого и тупого языковым сообществом. Так, для «острого» определяющими являются следующие признаки:

- выполнение главной функции (*острые слух, чутье*);
- умелое использование умственно-коммуникативных способностей и в результате необходимое воздействие на адресата (*острые слово, высказывание, текст, шутка, статья, передача, язык*);
- воздействие на адресата, вызывающее эмоциональную реакцию (*острые борьба, игра, спор, беседа, интервью*).

Для «тупого»:

- характеристика субъекта как не обладающего достаточными умственными способностями (*тупой человек, туп как валенок, тупоумный*), что проявляется в результатах интеллектуальной деятельности (*тупые слово, высказывание, текст, шутка*), внешне (*тупой взгляд, выражение лица*), во внутренних качествах (*тупое самодовольство, высокомерие*);
- ограничение функциональных возможностей (*тупые усталость, терпение, молчание*).

Таким образом, компоненты 'острый' и 'тупой', будучи в составе **единой** оппозиции, описывая **общую** прототипическую ситуацию, в оценочной деятельности по-разному отражают ее. Компонент 'острый' подчеркивает функциональную успешность и (или) реакцию воспринимающего лица (*острая память, острая шутка*), а 'тупой' характеризует либо субъекта с точки зрения воспринимающего его действия лица (через отрицательную оценку этих действий – *тупица, тупой анекдот*), либо состояние субъекта как ограничивающее его функциональные возможности с его личной точки зрения (*тупая усталость, тупо лежать*).

Метафорическое развитие оппозиции 'полный – пустой' определяет функциональная пригодность / непригодность предмета-контейнера и реакция субъекта, который воспринимает рациональность использования этого вместилища. При метафоризации признаков 'полный' и 'пустой' участвуют два элемента прототипической ситуации – контейнер (X) и его содержимое (Y), которые помогают осмыслить объекты, изначально не принадлежащие к топологическому классу «контейнер», но воспринимаемые человеком как имеющие свойства контейнера содержать в себе что-то. При этом важно отметить, что компоненты оппозиции, отражая единую прототипическую ситуацию, неодинаково участвуют в оценочном осмыслении действительности, отражая разные, несимметричные аксиологические приоритеты языкового коллектива.

Признак 'полный' в метафорическом употреблении реализуется в прототипической конструкции «X полный (наполниться) Y», в которой одинаково важны оба участника – и сам контейнер, и его содержимое: ср. *Счастье переполняло его душу*. Контейнером могут выступать:

- человек и его сердце, душа, глаза, взгляд и др. (*Её маска «белой дьяволицы» вдруг растворялась, оставались нарумяненные щёки и незабываемый взгляд бесцветных полных жизни глаз* (В. Крейд));

- речевые продукты – слова, речь, фразы, текст и т.п. (*Не должна ли быть истинная философия объяснением в любви влюбленных? О, тогда поймут друг друга, тогда все слова будут полны реального содержания и смысла* (Н. Бердяев); *Тот Гай Юлий был полон великих надежд...* (С. Смирнов));

- интеллектуальные процессы – объяснение, ответ, описание и др. (*В философии онтология изучает абстрактные и общие категории, такие как бытие, субстанция, причина, действие, явление и т.д., и как наука претендует на полное объяснение причин всех явлений* (Информационные технологии. 2004));

- результаты умственной и творческой деятельности – книги, фильмы, постановки и т.п. (*Или написали мемуары, полные раскаяния и покаяния?* (Завтра. 2003)).

Содержимым контейнера могут быть разные в оценочном отношении явления – эмоции, состояния, результаты физического или умственного труда и др.: *глаза полны ужаса; взгляд, полный ненависти и злобы* [5]. И знак оценки самого предложения будет зависеть от оценочности этого содержимого; в таких кон-

текстах нельзя вести речь о фиксированной, устоявшейся оценке, закреплённой за рассматриваемым компонентом оппозиции. Поэтому и словари не отмечают у слов, выражающих признак 'полный', оценочных значений.

Похожая ситуация наблюдается при анализе метафорического значения, реализующегося в конструкции «*полный X*», в которой один участник – контейнер, как бы заполняющий собой само содержание [9. С. 114]: *полная победа; полная неудача*. Контейнерами в таких метафорических контекстах выступают как градуированные (счастье, деградация), так и неградуированные (выигрыш, провал) явления, которые мыслятся как проявляющиеся абсолютно, заполняя собой контейнер полностью и представляя его содержание. И характер оценки таких контекстов, как и в предыдущей конструкции, зависит от X (=Y): *А если рядом море и солнце встаёт каждый день – это уже полное счастье и благополучие* (А. Дорофеев); *Именно такой срок займёт полная деградация римской военной машины...* (С. Смирнов). Не случайно такого рода метафорические выражения исследователи называют квазиоценочными [10. С. 62] или говорят о вымывании значения прилагательного и превращении его в лексическую функцию Magn (см., напр.: [9. С. 115]).

При этом стоит отметить, что есть контексты, в которых языковые единицы, выражающие признак 'полный', содержат оценочные семы, например: *живет полной жизнью, наполненной жизнью*. В них в качестве контейнера выступает мысленно постигаемый объект – жизнь, который должен иметь определенное прототипическое содержание – цели, мечты, увлечения, интересные дела и т.п. – и если такое содержание есть, языковой коллектив этот «контейнер» положительно оценивает, если нет – отрицательно: ср. *Ныне они с женой ведут никчёмную, пустую жизнь, но так довольны собой и своей жизнью и той великой работой, которую исполняют, что видеть это невыносимо противно* (В. Астафьев).

Признак 'пустой' в метафорическом употреблении реализуется в конструкции «*пустой X*», в которой эксплицируется один элемент ситуации – контейнер, которому уподобляется нечто, протипически не являющееся контейнером, но осмысляемое языковым коллективом как призванное иметь определенное содержание: *пустые слова*. Причем содержание (Y) этого контейнера (X) в конструкции не выражено, но имплицитно тоже присутствует в качестве пресуппозиции, позволяющей домыслить функциональное предназначение описанного объекта, которое он не выполняет, что делает его функционально непригодным, а значит, в понимании коллектива, плохим. Так, голова является «контейнером» для мыслей, сердце – для чувств, эмоций: *Голова не то что болела, а была как-то совсем пустая, гремучая* (Ю. Домбровский); *Пустое сердце бьется ровно, В руке не дрогнул пистолет* (М. Лермонтов). Для речевых актов «содержанием» является значение, смысл: *Исчезали некоторые абсурдные и пустые формулировки, появлялись разумные идеи* (М. Кронгауз). Для действия «содержанием» является его результат: *Если бы удалось вернуться домой... Пустые мечты...* (В. Крейд).

Итак, компоненты оппозиции ‘полный – пустой’ при метафоризации играют разную «ценностную» роль в представлении прототипической ситуации – контейнера и его содержимого: первый компонент является нейтральным «проводником» некоего содержания, усиливающим его оценочность; второй компонент указывает на функциональную непригодность контейнера и служит его оценочным маркером.

Таким образом, функциональность является важным фактором, направляющим развитие оценочности слов и позволяющим говорить о единой семантической модели, объединяющей разнотипные оппозиции, в основе метафоризации которых доминирует функциональная значимость признака, заложенная в прототипической ситуации. Эти оппозиции, хотя и имеют разную перцептивную природу, отражают похожий механизм оценочной концептуализации. В метафорической сочетаемости языковых единиц функциональных оппозиций содержится информация о том, какие признаки важны для языкового коллектива с точки зрения реализации их функционального предназначения и как именно они могут быть использованы в оценочной деятельности человека. В их семантике хранятся устоявшиеся представления о том, для «опредмечивания» каких умственно пости-

гаемых объектов предназначены (необходимы) функциональные возможности признаков, на которых базируются данные оппозиции, и какую информацию о прототипической ситуации они передают этим объектам. Компоненты оппозиций асимметричны в оценочном поведении – положительный компонент развивает дополнительную интенсифицирующую семантику при интерпретации определенных нефизических объектов, демонстрируя разную когнитивную природу высшей степени проявления признака, ср.: глубокий усиливает чувства, которые находятся внутри человека, на большой глубине (*глубокая ненависть, глубокое счастье*); полный – градуированные (*полное счастье, полная деградация*) и неградуированные (*полный выигрыш, провал*) явления, которые мыслятся как проявляющиеся абсолютно, заполняя собой контейнер полностью и представляя его содержание; острый – состояния, процессы, события и т.п., которые воспринимаются как достигшие пика проявления интенсивности и воздействующие на человека с максимальной силой (*острая ненависть, острый интерес*). Отрицательный компонент, как правило, последовательно выполняет работу оценочного маркера (*поверхностные эмоции, пустой взгляд, тупая обида*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
2. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 448 с.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
4. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 109–116.
5. Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.09.2016).
7. Мухачева А.М. Пространственные метафоры как фрагмент языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 299 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Холкина Л.С. Качественные признаки в китайской лексике: опыт типологического описания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 357 с.
10. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 июня 2017 г.

THE FUNCTIONAL MODEL OF THE EVALUATIVE MEANING DEVELOPMENT AND ITS PECULIARITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 23–28.

DOI: 10.17223/15617793/420/3

Tatiana V. Grigorieva, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: tagrig8@mail.ru

Keywords: opposition; axiological; evaluative meaning; function; model.

The article describes one of the models of evaluative meaning development – the functional model. The object of research is binary oppositions: pairs of opposite concepts reflecting objective reality phenomena, their parameters and properties, and used as a metaphor by a language community to evaluate non-physical spheres of human activity. Based on the data of Russian explanatory dictionaries and texts containing language units of the opposition from the Russian National Corpus, the author describes the features of the functional model on the example of three functional binary oppositions: ‘deep – shallow’, ‘sharp – blunt’, ‘full – empty’. In these oppositions, functionality has a different value content and directs the development of evaluative semantics in different ways. So, for the first opposition the functional use of the shape of the object container is important in evaluation. Combining with lexemes that indicate “results”, “products”, “processes”, “subjects” and “tools” of cognitive activity, language units of the opposition help to “shape” the phenomenon of the mentally perceived epistemological sphere and express the fixed representations of them as containers: the deeper they are, the more cognitive information they contain and the more valuable they are. For the opposition ‘sharp – blunt’, the functional success of the tool-object and the reaction of the subject who perceives the action of the tool are essential in the development of evaluative semantics. Components describing the general prototypical situation reflect its evaluated activity differently. ‘Sharp’ emphasizes the functional success and (or) the reaction of the perceiving person, and ‘blunt’ characterizes either the subject in terms of a person perceiving their actions or the state of the subject as limiting their functionality from their personal point of view. The metaphorical development of opposition ‘full – empty’ is determined by the functional suitability / unsuitability of the container object and the reaction of the subject who perceives the rationality of using containers. Components of the opposition play different “value” role in the representation of the prototypical situation – the container and its contents: the first component is a neutral “conductor” of content enhancing its value; the second component indicates the functional unsuitability of a container and is an

evaluative marker. Analysis of linguistic units compatibility within oppositions showed that despite the fact that they (oppositions) have a different perceptive nature, they reflect a similar mechanism of evaluative conceptualization. Their meanings represent long-held ideas on what kind of mentally comprehended objects can be “objectivized” by the functional features the oppositions are based on, and what information about the prototypical situation these features transfer to the objects.

REFERENCES

1. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and mechanisms of language expansion]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Rakhilina, E.V. (2010) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Azbukovnik.
3. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak.
4. Ryabtseva, N.K. (2000) Razmer i kolichestvo v yazykovoy kartine mira [Size and quantity in the language picture of the world]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of the language. Languages of spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
5. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
6. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/>. (Accessed: 21.09.2016).
7. Mukhacheva, A.M. (2003) *Prostranstvennye metafory kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Spatial metaphors as a fragment of the linguistic picture of the world]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS.
9. Kholkina, L.S. (2014) *Kachestvennye priznaki v kitayskoy leksike: opyt tipologicheskogo opisaniya* [Qualitative features in Chinese vocabulary: the experience of typological description]. Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Vol'f, E.M. (1988) Metafora i otsenka [Metaphor and evaluation]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka.

Received: 19 June 2017